

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1586-1597
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1586

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem

Artyom Yu. Peretyatko ^{a,*}

^aCherkas Global University, Washington, DC, USA

^bVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to slaves who had no ties to the Russian Empire, but were coming into its territory from Central Asia in the first half of the 19th century. Based on the documents of the Orenburg Military Governor we make a conclusion that the number of such slaves was quite large. Although information for only 6 years, 1813, 1823 and 1846–1849 was analyzed (in the last case – only for a single border fort), we found more than 20 “Persians”, “Uzbeks”, and “Kazylbash” etc. who ran from enslavement in the Steppe to the border of the Russian Empire.

The analysis of the preserved information about these people, including personal testimonies of some of them, allows to speak that among them members of Iranian world were prevalent. They were likely forced to flee to Russia, because escape to their homeland was too risky for them (at least, one of them mentioned it himself). The vast majority of such slaves, having made it to Russian Empire, expressed a desire to return back home, although 2 people (who grew in captivity) preferred to remain in Astrakhan.

For Russian officials, liberation of such slaves wasn't a priority until 1851. This is why, it seems, summary statistics about them wasn't maintained, and in public the attention was much more drawn to “Russian captives”. Russian officials did not undertake any special actions to liberate such slaves at that time, even in the part of the Steppe they formally controlled. Nevertheless, foreign fugitive slaves were sent to Astrakhan at state expense, and some were even bought new clothes. Only in 1851 the situation changed: Orenburg and Samara General-Governor V.A. Perovsky issued a decree that forbade under strict sanctions (up to exile to Siberia) possession of captives for the nomads loyal to Russia.

Keywords: slavery, captivity, Central Asia, Orenburg Governorate, Iran, liberation from slavery.

1. Введение

В данной статье мы бы хотели коснуться истории группы людей, которая до настоящего времени почти не привлекала внимания историков. В ходе территориальной экспансии Российской империи в Центральную Азию региональные российские чиновники столкнулись со специфической проблемой. На территории местных государств и кочевых племен находилось достаточно много рабов, в том числе и не имевших к Российской империи никакого отношения (в частности, по некоторым сведениям, после завоевания Хивинского ханства российские власти освободили до 27 тыс. рабов иранского происхождения) (Tadjieva, 2023: 58-59). При этом на территории самой Российской империи рабство формально было запрещено, и в рамках официального дискурса подчеркивалось, что крепостное право рабством не является. Например, в 1842 г. молодой чиновник И.С. Тургенев, будущий знаменитый писатель и критик крепостничества, подготовил служебную записку «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», в которой утверждал,

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

что будто бы «рабство есть нехристианское понятие, и потому в христианском государстве существовать не может и никогда не существовало» (Тургенев, 1978: 427).

Часть людей, находившихся в рабстве на территории государственных и племенных образований Центральной Азии, позиционировалась в российских источниках как «русские пленники»/«русские пленные», причем, как мы показали в одной из своих прошлых статей, в данном случае эпитет «русский» обозначал не этничность и даже не реальное подданство, но претензию Российской империи на то, что она считает человека своим подданным и желает освободить его (т. е. к «русским пленникам» относили и людей, самостоятельно бежавших из России, и рожденных у «русских пленников» в Центральной Азии детей) (Peretyatko, 2023: 619-632). Их судьба в случае возвращения в Россию определялась исключительно российскими законами, причем «Свод законов Российской империи» требовал освобождать вышедших из рабства российских подданных и от крепостной зависимости: «Крепостной человек, захваченный в плен, по освобождении из оно, не возвращается в крепостное владение, а получает вместе с женой и детьми, если они у него есть, право избрать род жизни. Само собой разумеется, что правило сие не распространяется на крепостных людей, бывших вне государства в бегах» (Свод..., 1835: 221). Впрочем, в большинстве случаев власти приграничья сначала отправляли спасенного «русского пленника» по месту жительства, чтобы окончательное решение о его судьбе принималось уже там. Например, когда в 1837 г. из Хивы было отправлено в Оренбург 25 «русских пленников», их дальнейшая судьба сложилась так: бывших военных отправили в штаб Отдельного Оренбургского корпуса, крестьян и мещан – в правления соответствующих губерний (в одном случае – в канцелярию соответствующего казачьего войска), оренбургского казака – в оренбургскую войсковую канцелярию, а человека, не помнившего родства, – в местную полицию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 73–75об.).

Однако в случае с бежавшими из Центральной Азии на территорию Российской империи рабами, которых никак нельзя было признать «русскими пленниками», перед местными чиновниками вставала более сложная задача. С одной стороны, формально речь шла о подданных других государств, отношения с которыми находились в ведении не региональных органов власти, но имперского министерства иностранных дел. С другой стороны, по понятным причинам подавляющее большинство рабов в Центральной Азии составляли местные жители и жители окрестных регионов, т. е. подданные шахской Персии/Ирана, Бухарского эмирата, Хивинского ханства и т. д. Между тем, как резонно отмечает британский исследователь А. Моррисон, в XIX в. «степные кочевники и ханства, лежавшие за ними» («steppe nomads and the khanates that lay beyond them»), рассматривались Российской империей как территории, которым предстояло признать «как превосходство русской цивилизации, так и реальность русской мощи» («the superiority of Russian civilisation and the reality of Russian power») (Morrison, 2021: 55-56). В первом законченном энциклопедическом словаре на русском языке, вышедшем в 1847-1855 гг., в «Справочном энциклопедическом словаре», в статье «Персия, Персидский Иран, иногда Фарсисан» рассказывается о том, что в 1830 г. персидский шах Мухаммед «отдал себя под покровительство России», хотя в дальнейшем это покровительство и перестало быть актуальным из-за действий Великобритании (Справочный энциклопедический словарь, 1854: 214). Таким образом, в случае с бежавшими из Центральной Азии рабами, которых нельзя было отнести к «русским пленникам» (далее мы будем для краткости называть их иностранными рабами), российские чиновники действительно имели дело с подданными других государств, но государств, которые никак не рассматривались ими в качестве равных Российской империи.

В результате, как мы увидим далее, для оренбургских региональных властей стало типичным разрешение ситуаций с подобными рабами без обращений к имперскому правительству. И в своей статье мы попытаемся понять, почему рабы, никак не связанные с Российской империей, в первой половине XIX в. бежали на ее территорию, и что с ними происходило дальше.

2. Материалы и методы

Основой для нашего исследования станут дела об иностранных рабах, бежавших на территории, подконтрольные оренбургскому военному губернатору. К сожалению, нам удалось выявить всего несколько подобных дел, к тому же относящихся к хронологически ограниченному периоду: к 1813 г., к 1823 г. и к 1846-1849 гг. Тем не менее, информация, содержащаяся в этих делах, имеет много общего.

И это позволяет нам, пользуясь микроисторическими методами, проследить судьбы отдельных рабов и на этом основании реконструировать особенности, типичные для иностранных рабов, бежавших на территорию Российской империи в первой половине XIX в.

3. Обсуждение

Если тема русского «степного пленника» активно освещалась не только в науке, но и в русской литературе с XIX в. (о чем писала, в частности, Е.К. Созина (Созина, 2016: 6-15)), то о других рабах в Центральной Азии известно намного меньше. Тем не менее документы о рабах-мусульманах в Бухаре публиковались в советское время (Исмаилова, 1973: 20-30). Исследования рабства в целом в центральноазиатских государствах проводят и современные ученые этого региона (Tadjieva, 2023:

53-62; Tojjeva, 2020: 211-214). Однако проблематика иностранных рабов, бежавших в Российскую империю из Центральной Азии, до сих пор специально не изучалась.

4. Результаты

1813 г.

Наиболее раннее упоминание об иностранных беглых рабах нам удалось обнаружить в материалах оренбургских властей за 1813 г. Интересно, что соответствующие дела посвящены сразу двум лицам, почти одновременно вышедшим из степи. И вскоре после этого, в этом же году, стало известно и о третьем подобном лице.

Первого из них звали Азимом Берххурдаровым (обратим внимание, что азиатские имена записывались российскими властями крайне неточно, вероятно, на слух, и в одном деле данный человек именовался также Берх-хурдаровым и Берх Хурдаровым) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1–30б.). В отличие от многих рабов нерусского происхождения, у А. Берххурдарова через переводчика взяли показания, позволяющие понять его историю (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 2–30б.). Еще не старый (28 лет) «авганец» из «Города Ирата» (т. е., вероятно, современного Герата), он около 6 лет назад сам отправился в Центральную Азию с торговым караваном и попал в целый ряд неприятных приключений (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 2). Сперва на караван напали «трухменцы», причем те самые, с которыми караван шел торговать: часть караванщиков была убита, остальные ограблены, сам А. Берххурдаров попал в рабство и успел сменить нескольких хозяев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 2–20б.). Затем молодой человек оказался в Бухаре, где его выкупил на свободу другой «авганец», Гульмаммет бий (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 20б.). Однако, прожив всего год на свободе, по совету одного из бывших хозяев и по приглашению неких «киргизцов» («каргизцами»/«киргизами» в русских документах того времени обычно называли казахов), А. Берххурдаров снова отправился в степь торговать, и снова был захвачен кочевниками, с которыми рассчитывал вести торг (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 20б–3). Если о жестокости прошлых хозяев бывший раб не сообщал и, как мы видели, даже доверился советам одного из них, то новый хозяин, Арал Базаров, наносил несчастному «несносные побои» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 3). Тогда А. Берххурдаров бежал и вышел к российской границе, причем не ясно, сделал ли он это намеренно, зная, что здесь его освободят, или случайно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 3). Летом 1813 г. бывший раб прибыл в Кизильскую крепость и в июле был отправлен в Оренбург, в Оренбургскую пограничную комиссию, управляющую подконтрольной России степью (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1–30б.).

История Аляберды Ахметова (Алла Берду Ахметова), тоже известная по его собственному показанию, взятому через переводчика, была проще (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 5). Он позиционировался как «житель персидского города Маура», захваченный в рабство еще ребенком при разорении этого города бухарцами (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 5). Почти всю свою жизнь, а ему было 26 лет, он провел в рабстве в Бухаре у некоего «муллы Рафика», который, однако, в итоге продал его в степь «Киргизцу Танию» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 5). После полутора лет в рабстве у последнего А. Ахметов смог бежать и выйти к Уртазымской крепости тем же летом 1813 г., а в августе он оказался в Оренбургской пограничной комиссии, как и А. Берххурдаров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 5).

Наконец, летом 1813 г. к Таналыцкой крепости вышло сразу двое беглых рабов – русский и человек, описанный российскими чиновниками как «казылбаш»/«казылбашенин» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 1). Русский, Михайло Гвозков, оказался личностью с очень яркой биографией: преступник, сосланный в Оренбург за убийство, он был 26 лет назад похищен «киргизцами» и продан в Бухару, откуда, однако, через 12 лет сумел бежать (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 2). Ему не повезло: после побега он снова попал к «киргизцам» и оказался в рабстве уже у них (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 2). М. Гвозков несколько раз снова пытался бежать, но неудачно, а увенчавшуюся успехом попытку предпринял, точно зная, что его хозяин с сородичами «кочевье имеют близ российских границ», и осознанно пойдя к этим границам вместе «с казылбашенином» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 2). «Казылбаш» Аманьюл Нагынов также дал показания через переводчика, из которых следовало, что ему 50 лет, 14 лет назад он был захвачен «трухменцами» и продан в Бухару, откуда его перепродали «киргизцу Чулдыгу Акчулину» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 20б–30б.). Хозяин обращался с ним плохо: раб «состоял без пропитания и <был> бит бесчеловечно без всякой причины неоднократно» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 20б.). А. Нагынов – первый известный нам раб из Центральной Азии, никак не связанный с Российской империей, который однозначно сказал в своих показаниях, что «намерился учинить побег в Россию» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 20б.). Интересно, что первоначально А. Нагынов даже утверждал, будто бы бежал с желанием принять российское подданство и «веру греческого исповедания» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 20б.). Вероятно, он лукавил и в действительности хотел только сбежать от злого хозяина куда угодно. Позднее, когда стало ясно, что обратно его не выдадут, бывший раб передумал и вместо смены веры и подданства просил вернуть его «в отечество Свое персидского владения в город Астрабат (современный Горган – А.П.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 30б.). По каким-то причинам с

М. Гвозкова и А. Нагынова показания в Оренбургской пограничной комиссии сняли только в ноябре 1813 г., хотя отправлены в нее они были еще в июле (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 1, 3).

При всем различии историй этих трех рабов между ними наблюдается и определенное сходство. Все трое были выходцами с территории не степного, а иранского мира (мы используем этот термин, поскольку, с нашей точки зрения, более точно установить их реальную идентичность по российским документам затруднительно, да и политическая география современных Ирана и Афганистана в первой половине XIX в. только формировалась). Место происхождения крайне усложняло для них побег в родные земли из «киргизских» племен, кочующих около границ Российской империи. Чтобы вернуться в Герат/Горган, этим людям требовалось полностью пересечь с севера на юг центральноазиатские степи.

Кстати, аналогичные побегу непосредственно в Российскую империю русских рабов с противоположного края центральноазиатской степи из Хивинского ханства были крайне редки (подобных случаев побегов из Кокандского ханства и Бухарского эмирата нами не выявлено вообще). Нам известен всего один подобный случай. В 1839 г. четыре русских раба смогли бежать из Хивы в Ново-Александровское укрепление (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 1–10б.). Однако в этом случае русским помог бежать киргиз-проводник, Бурангул Каркынов, причем пеший переход занял 25 суток, а взятая ими еда кончилась через 12 суток (далее зарезали лошадь Б. Каркынова и ели ее) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 110б.). Между тем, например, М. Гвозков и А. Нагынов в документах российских властей позиционировались как «одержим болезнью и ни к какой работе не способен» и «к работе не способен» соответственно. Следовательно, А. Нагынов едва ли пережил бы переход от российской границы до персидских/иранских владений, даже если бы ему представилась такая возможность.

Далее мы увидим, что большинство вышедших в пределы Российской империи из Центральной Азии иностранных рабов позиционировались в документах в качестве «персиан» и «казылбашей». Таким образом, и для них побег на территорию Российской империи с российско-степного приграничья был значительно проще, чем побег на родину. Коренные же жители степи, «киргизцы», «хивинцы» или «бухарцы», фиксируются среди выбежавших из степи рабов в документообороте российских властей первой половины XIX в. значительно реже, скорее всего, как раз потому, что они могли бежать непосредственно на родину, а не в Россию.

Подобная ситуация с иранскими рабами и их степными хозяевами означала, что просто отпустить А. Берххурдарова, А. Ахметова и А. Нагынова обратно в степь означало бы де-факто вернуть их хозяевам, кочевавшим около границы. К чести российских чиновников, подобный вариант ими даже не рассматривался. 20 августа 1813 г. Оренбургская пограничная комиссия сообщила оренбургскому военному губернатору Г.С. Волконскому, что А. Берххурдаров и А. Ахметов просят разрешения отправиться в Бухару с уходящим туда караваном (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1–10б.; 4–40б.). Интересно, что А. Берххурдаров первоначально просил отправить его в Астрахань, чтобы морским путем вернуться «в Отечество» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1–10б.). Далее мы увидим, что именно такая практика в отношении рабов иранского происхождения была нормативной для оренбургских властей, и, возможно, аналогичные случаи были и до 1813 г., однако в известность о них не ставились не только имперские власти, но и оренбургский военный губернатор. В данном случае Оренбургская пограничная комиссия обратилась к нему именно в связи с тем, что беглые рабы хотели отправиться в Бухару, а не в Астрахань. В связи же с более ранним желанием А. Берххурдарова отправиться на родину морским путем никаких запросов губернатору не делалось.

Г.С. Волконский, узнав о сложившейся ситуации, выступил категорически против отправки беглых рабов не только в Бухару, но и в принципе за пределы Российской империи. Суть возражений губернатора, изложенных письменно 10 сентября 1813 г., сводилась к тому, что прошлое А. Берххурдарова и А. Ахметова установлено недостаточно точно, преимущественно по их собственным показаниям, а потому, как дословно писал губернатор, «я не могу согласиться на отправку сих магометан с караваном за границу, не выгнав совершенного удостоверения о том, что они не есть подданные России» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 7–70б.). Более того, Г.С. Волконский указывал Оренбургской пограничной комиссии, что практика отправки на родину беглых рабов иностранного происхождения чревата тем, что «хитрые побродяги» «через посредство комиссии сопровождаемы быть могут за границу» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 70б.). В качестве альтернативы губернатор предлагал разрешить сбежавшим в Российскую империю из Центральной Азии рабам иностранного происхождения оставаться в России, причем он даже прямо предлагал записывать их на военную службу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 8). Интересно, что первое архивное дело о А. Берххурдарове и А. Ахметове здесь и заканчивается, т. е. в канцелярии губернатора сочли, что на этом вопрос о будущей судьбе беглых рабов разрешен.

Однако Оренбургская пограничная комиссия не согласилась с таким решением. Для нас важнее всего то, что в своем ответе от 2 октября 1813 г. она ссылалась на конкретный законодательный акт, предписывающий отправлять беглых рабов иностранного происхождения в Астрахань: «Комиссия, руководствуясь Указом от 26 февраля 1752 года за № 97, последовавшим из Коллегии иностранных дел, не приступила к исполнению предписания вашего сиятельства. <...>. Означенным Указом 1752 года предписывается “выбегающих от Киргизцов персиан, хивинцов, трухменцов и других им

подобных народов, исключительно тех, кои пожелают креститься, отпускать в их отечество чрез Астрахань»» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1022. Л. 1–10б.). Таким образом, судя по всему, до 1813 г. Оренбургская пограничная комиссия поступала с интересующей нас категорией беглых рабов в соответствии с данным указом, отправляя их в Астрахань без переписки с вышестоящими властями (возможно, именно поэтому мы пока не обнаружили документации о подобных лицах). В российское же подданство, согласно данному законодательному акту, допускалось принимать только тех иностранных беглых рабов, которые бы выразили желание креститься.

Правда, оставалась проблема с подтверждением того факта, что А. Берххурдаров и А. Ахметов точно не были подданными Российской империи. Однако и здесь Оренбургская пограничная комиссия нашла, как нам представляется, элегантный способ решения проблемы. Для Г.С. Волконского было подготовлено свидетельство, которое подписали не только бухарские купцы, но и некий «бухарского владения чиновник диван-беги Ишмухамет Банкшиев». Данное свидетельство удостоверило следующее: «вышедшие из киргизской степи персианин Азимберх Хударов (очередная версия написания имени Азима Берххурдарова – А.П.) и бухарец Аллаберда Ахметов действительно из того происхождения, как они показываются» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1022. Л. 3–30б.). После этого Г.С. Волконский не стал настаивать на своем мнении и ограничился крайне лаконичным разрешением, последовавшим 18 октября 1813 г., «возвратить их (А. Берххурдарова и А. Ахметова – А.П.) в объявленные ими места», (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1022. Л. 4–40б.).

Вероятно, после этого Оренбургская пограничная комиссия решила и в дальнейшем на всякий случай получать разрешение у губернатора на принятие того или иного решения о судьбе иностранных беглых рабов. 28 января 1814 г. последовала просьба «отослать в астраханское губернское правление» А. Нагынова «для отправления персидского правления в город Астрабат» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 1–10б.). На этот раз Г.С. Волконский изъявил согласие сразу же разрешением от 6 февраля 1814 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 5–50б.).

Таким образом, рассмотренное нами дело послужило значимым прецедентом, ставшим в дальнейшем образцом для действий с другими иностранными рабами, бежавшими из Центральной Азии на территории, подотчетные оренбургскому военному губернатору. Как мы увидим далее, стандартной практикой в отношении подобных беглецов до 1850 гг. оставалось предложение им или принять подданство Российской империи, или отправиться через Астрахань в «персидские владения». При этом решение о судьбе бывшего раба принимала Оренбургская пограничная комиссия, в известность обычно ставился оренбургский губернатор, но имперские власти о происходящем не информировались.

В заключение обратим внимание на любопытный сюжет. В 1810 г. терминология оренбургских чиновников для обозначения центральноазиатских рабов еще формировалась. Тем не менее положение рабов-подданных Российской империи уже часто описывалось ими через использование слова «пленник». Например, когда в 1807 г. при набеге «киргизцов» ими была захвачена женщина, Г.С. Волконский обозначил ее как «плененную крестьянскую женку Пономареву» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 341. Л. 7). В 1814 г. Г.С. Волконский позиционировал захваченную много лет назад женщину-калмычку как «вышедшую из Киргизского плена иноверческую женку Имрен» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1194. Л. 3). В 1809 г. оренбургские власти рассматривали прошение самостоятельно выкупившегося из Бухары Борковского. В его деле слово «плен» и однокоренные с ним фиксируются постоянно. Сам он звал себя «находившимся в Бухарии в плену» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1). Г.С. Волконский называл его «бывшим в плену у бухарцев 2-го гарнизонного батальона рядовым Борковским» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 2). Оренбургская пограничная комиссия предпочла формулировку «пленный рядовой Барковский» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 3).

Поэтому нам кажется крайне показательным, что по отношению к А. Берххурдарову и А. Ахметову российские чиновники в принципе не употребляли слова «плен» и однокоренных с ним лексем. Так, А. Берххурдарова Оренбургская пограничная комиссия предпочитала называть «вышедшим из киргизской Орды», а при описании его пленения кочевниками говорить о «порабощении» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1–10б.). А. Ахметов позиционировался «пришедшим из киргизской Степи Магометанином», а его пленение именовалось просто «захватом» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 4–40б.). Напротив, М. Гвозков и А. Нагынов именовались в совокупности «пленными», а А. Нагынова не только расспрашивали о том, не видел ли он в плену «русских пленных», но и о нем самом писали, что он был «пленен трухменцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 2–3).

Следовательно, принципиальный для российских чиновников в случае с «русскими пленниками» факт их пленения оказывался гораздо менее важным для тех же чиновников, когда они имели дело с иностранными рабами. Подобные рабы в 1810 гг. могли вообще позиционироваться не как беглые пленники, но просто как выходцы из степи. И этому есть логичное объяснение: указ коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. за №97, в соответствии с которым подобных рабов отправляли в Астрахань, дословно говорил не о пленниках или рабах, но о «выбегающих от Киргизцов персианах, хивинцах, трухменцах и других им подобных народах». Соответственно, для российских чиновников принципиальны были не обстоятельства захвата раба или его жизни в

степи, но только его принадлежность к определенным народам. В Астрахань следовало отправлять любых их представителей, выбежавших из степи, даже если бы вдруг они не были рабами.

1823 г.

Следующее дело об иностранных беглых рабах, которое нам удалось выявить, относится к 1823 г. В нем упоминается целых 10 подобных рабов, перешедших российскую границу в этом году. Из этого следует либо то, что этот год по каким-то причинам имел аномальный характер, и именно тогда произошло массовое бегство невольников, либо то, что и в другие годы границу Российской империи и Центральной Азии переходило сравнимое число невольников иранского и степного происхождения.

21 марта 1823 г. казачий патруль около Гурьева наткнулся на «вышедшего из киргизского плена персидского жителя Алия Магметова» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 1а–1аоб.). 24 июля на Угольный форпост самостоятельно вышел «казылбашенин Матюля Пачтан» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 2) (оказывавшийся, по более точным сведениям Оренбургской пограничной комиссии, «Персианином Города Машата Аллахметом Патыевым» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 6)). В том же июле комендант Красногорской крепости майор Калчицкий отправил в Оренбург «выбежавших на линию из Киргизской Степи, персидского гласюния Города Машати Худайбарду Госупаева и Города Ланьгар-Зияма Госуна Исмаилова, бывших в неволе у Киргизцев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 15). Уральская войсковая канцелярия в том же месяце сообщала, что на нижнеуральскую линию вышел «Персианин Города Астрабата Мухамет Сеит-Мухамет Ваисов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 24). 8 августа около Озерного форпоста утренний разъезд обнаружил «казылбашинина Худайберда Ачербаева» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 18). Его случай особенно интересен в том отношении, что принятый русскими солдатами и офицерами за «казылбашинина», то есть очередного представителя иранского мира, беглый раб при более тщательном изучении в Оренбургской пограничной комиссии оказался «не Казылбаш, а Бухарского Владения местечка Шамитентак из узбеков» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 19). В этом же месяце Оренбургская пограничная комиссия докладывала о доставлении в Оренбург «выбежавшего из Киргизской Степи Персидской Нации Япишлыка Давлет Нильдиева» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 25), а комендант Таналышской крепости майор Артемьев – об отправленных им в Оренбург «двух выходцах азиатцах, явившихся на границе бежавшими из степи азиатской, которые при допросах показали, что из них первый казылбашского, а другой оргонического родов, бывшезахваченные в плен в степи трухменцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 28). Из других документов явствует, что последних двух беглых рабов звали Тюлькар Дюдыуизбаев и Кудаяц Анулов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 29–29об.). Оренбургская пограничная комиссия пришла к выводу, что Т. Дюдыуизбаев (в ее транскрипции – Тяркалий Дюльнанабаев) является «Персидского владения Города Текали казылбашенином», а К. Анулов (в ее транскрипции – Кудайкул) – «ургенчского владения, взятый в плен во младенчестве» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 25). Примерно в это же время комендант Орской крепости майор Исаев доставил в Оренбургскую пограничную комиссию Гилия Галиагумина, заявившего, что он «персианин Города Боегона, пленен туземцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 30–31).

Таким образом, в случае с происхождением иностранных рабов, выбежавших в 1823 г. на территории, подконтрольные оренбургскому военному губернатору, мы наблюдаем предельно простую картину. Восемь из десяти маркировались в российской документации как относящиеся к иранскому миру через определения «персианин», «казылбашенин» или «персидского города». Один беглый раб был захвачен младенцем, т. е. фактически никак не был связан с родиной. И только один раб по происхождению четко относился к степному миру, будучи узбеком, но и его первоначально приняли за «казылбашинина». Таким образом, мы наблюдаем именно ту ситуацию, о которой говорили в предыдущем разделе статьи: в пределы Российской империи из степей Центральной Азии, помимо «русских пленников», бежали преимущественно рабы иранского (в широком смысле слова) происхождения.

Что касается биографий интересующих нас 10 рабов, то, хотя у большинства из них были взяты показания, восстановить по ним образ сколько-либо типичного иранского невольника, сбежавшего в Российскую империю, не представляется возможным. Слишком разными были эти люди. Так, А. Магметов оказался очень богатым персидским купцом, ехавшим торговать в Хиву с товарами на 6 тыс. руб., но по пути захваченным «киргисцами», от которых, однако, ему удалось сбежать уже через два года (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 1а–1аоб.). М. Сеит-Мухамет Ваисов был захвачен на охоте, когда стрелял сайгаков, и сумел сбежать еще быстрее, всего через год, еще и на угнанной лошади (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 24–24об.). Зато Д. Нильдиев родился в семье невольников иранского происхождения и смог сбежать только в 39 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 25–25об.). Таким образом, в пределы Российской империи могли бежать как сравнительно недавно порабощенные люди, занимавшие прежде достаточно высокое положение на родине, так и лица, прожившие в рабстве всю жизнь.

Невозможно установить и то, насколько осознанно большинство из этих десяти рабов бежали в пределы Российской империи. Т. Дюдыуизбаев в своих показаниях совершенно прямо заявил:

«Намерение мое было уйти в свою орду, но, по препятствию некоторых хищников, после сего решения, наличие <имею> для крещения в грекороссийскую веру» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 29). В дальнейшем Т. Дюдыуизбаев предсказуемо не крестился, а попросил отправить его в Астрахань и оттуда – на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 30–33об.). Таким образом, из показаний Т. Дюдыуизбаева совершенно однозначно следует, что, во-первых, он хотел бежать не в Россию, а в свои родные края, но ему помешала как раз сложность пересечения центральноазиатских степей, где его могли поработить повторно, а во-вторых, он не знал, что российское правительство предоставляет беглым рабам иностранного происхождения возможность вернуться на родину, но был готов принять православие и остаться в России, чтобы выйти из рабства. С другой стороны, Х. Ачербаев, совершая побег, совершенно осознанно «желал пробраться в Оренбург, где и явиться к Начальству» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 18). Все это рисует перед нами достаточно сложную картину. Судя по всему, к 1820 гг. как минимум некоторые центральноазиатские рабы, которые не были похищенными подданными Российской империи, понимали, что успешный побег в Россию будет означать для них освобождение, но при этом не все из них знали, что им еще и дадут возможность вернуться на родину.

Какая же их часть в реальности выбрала такую судьбу? Этот вопрос был отражен в делопроизводственной документации российских властей наиболее подробно. А. Магметов был отправлен «в город Астрахань для препровождения его во свое жительство» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 1а–1аоб.). М. Пачтан сперва выразил желание, «дабы ему не быть праздным», «определить его на службу в здешний либо Самарский Кантон», однако затем заявил, что «желание определиться на службу в Башкирцы он оставил, а просит убедительнейше отправить его в отечество чрез город Астрахань» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 5–6об.). М.Х. Госупаев и Г. Исмаилов «объявили желание отправиться в свое отечество, где они имеют свои дома, жен и маленьких детей» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 15–15об.). М. Сеит-Мухамет Ваисов желал «в Астрахань для отправления в свое отечество» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 24об.). Некоторое разнообразие внес узбек Х. Ачербаев, просивший «отправить его в Бухарию с первоотходящим отсель туда Караваном» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 19об.). Зато Т. Дюдыуизбаев и Г. Галиагумин оба захотели «отправиться чрез Город Астрахань в Свое отечество» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 31).

Таким образом, в первой половине XIX в. в большинстве случаев Российская империя выступала для сбежавшего в ее пределы из Центральной Азии иностранного раба не конечной целью, но только промежуточной остановкой на пути на родину. Как видно из рассматриваемых документов, к 1820 гг. процесс возвращения освободившихся рабов в Персию/Иран был вполне налажен, причем российские чиновники еще и оплачивали им путевые расходы. Так, М. Пачтана оренбургский губернатор П.К. Эссен распорядился отправить «с выдачей ему десяти рублей из пленничей суммы на путевое содержание» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 7). М.Х. Госупаева и Г. Исмаилова «пограничная комиссия снабдила <...> нужной одеждой и деньгами на дорожное содержание из Пленничей суммы каждого на 10 рублей» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 15). М. Сеит-Мухамет Ваисову денег, по-видимому, не дали, но продали в его пользу лошадь, на которой он вышел из степи (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 24об.). Т. Дюдыуизбаеву и Г. Галиагумину тоже было выделено «на одежду и на дорожное содержание из пленничей суммы по 10 рублей на каждого» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 31). Только в случае с Х. Ачербаевым сохранилась документация об отправке его на родину, и при этом в ней нет информации о предоставлении ему денег, вероятно, потому, что он направлялся не в Астрахань, как предписывалось законом, а в Бухару (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 19–20).

Только двое беглых рабов выразили желание принести присягу на подданство Российской империи. Это были К. Анулов (напомним, «взятый в плен во младенчестве») и Д. Нильдиев (родившийся в семье невольников). К. Анулов «пожелал остаться в России, в заселенной в Астрахани азиатами слободе» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 31). Д. Нильдиев просил «отправить его в Астрахань для совместного жительства с Заселенными там Персианами в подданстве России» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 25об.). Таким образом, судя по данным случаям, желание остаться в Российской империи могли выражать те беглые рабы иностранного происхождения, которым было просто некуда возвращаться. Интересно, что при этом в архивной документации нет никаких сведений о принятии ими крещения, т. е. в этом отношении пресловутый указ коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. за №97 уже не действовал, и для того, чтобы остаться в Российской империи, беглому рабу было достаточно выразить подобное желание без смены веры.

Наконец, нам кажется важным указать еще и на то, что в рассмотренном нами документообороте 1820 гг. положение беглых рабов иностранного происхождения все чаще именуют «пленом». Так, А. Магметов позиционируется как «вышедший из киргизского плена персидской нации» и просто называется «пленником» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 1а–1аоб.). М.Х. Госупаев первоначально позиционируется «пленным некого рода и нищим», снять показания с которого не удалось «по неизвестности здесь никому его языка» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 14). Д. Нильдиев описывается как родившийся у людей, «находившихся в Киргизском плену» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 25).

Но при этом рассмотренные нами документы написаны сухо, без особенного сочувствия к беглым рабам. Неизвестно нам и случаев, чтобы информация о беглых рабах иностранного происхождения озвучивалась и в публичном поле Российской империи. Напротив, о «русских пленниках» и их освобождении оренбургские власти пытались сообщать в публичном поле. Так, в 1839 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский отправит в министерство иностранных дел целую статью о спасении им «русских пленников» с такими, например, словами: «В 1837-м году возвращены были Хивою, в первый раз со времени существования ее, 25 челов<ек> русских пленников. <...>. Весь город встретил выходцев наших за меновым двором; Священство вышло с пристани, окропило возвращенных пастве своей сынов св<ятой> водою и отпустило молебн. Глядя на эту пеструю, праздничную толпу, с лицами выразившими в нашей черте, что здесь делятся что-нибудь необыкновенное, не слыханное и невиданное, глядя на крест и налож и горящие перед ним, среди обширной, необъятной степи, свечи – а потом еще на земляков наших, в азиатской одежде и на заплаканных перед крестом нельзя было не пожалеть, что не было здесь художника который передал бы потомству этих рыдающих перед Евангелием выходцев с того света, эту несметную толпу с лицами на какое возращается участие, радость, сострадание, благодарность – все то мы видели, но видели словно во сне, в минутной живой картине» (Ermachkov, 2021: 31).

Таким образом, в представлениях оренбургских чиновников спасение «русских пленников» было делом важным, а для некоторых из них, по-видимому, даже святым. Спасение же прочих рабов, почти исключительно мусульман, подобного ореола было лишено. Поэтому, как мы увидим далее, российские власти не торопились освобождать иностранных рабов даже в той части территории степи, которую формально контролировали. Тем не менее они не только защищали подобных рабов, бежавших на территорию Российской империи от их хозяев, но и оказывали этим рабам организационную и материальную помощь при возвращении на родину. Однако именно потому, что подобная деятельность рассматривалась как рутинная и не слишком важная, особенного внимания к ней не привлекалось.

1846–1849 гг.

Следующий любопытный документ, характеризующий как бежавших в Российскую империю из Центральной Азии иностранных рабов, так и отношение к ним российских чиновников, был создан в 1849 г. Как мы видели выше, помощь беглым рабам требовала определенных финансовых затрат. И 9 июля 1849 г. продовольственный отдел штаба Оренбургского корпуса обратился к начальству с запросом о том, «из каких источников должны быть пополняемы расходы на содержание в Ново-Петровском Укреплении и других степных укреплениях выходящих из плена от кочующих в средней Азии племен Русских подданных Гражданского сословия» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 1–10б.). Таким образом, на первый взгляд, нашей темы этот запрос не касался, будучи посвященным «русским пленникам». Однако министр внутренних дел Российской империи Л.А. Перовский прежде чем выносить решение, 29 августа 1849 г. потребовал указать, «какая именно сумма израсходована была ежегодно в течение последних трех лет на содержание в Ново-Петровском Укреплении русских пленных» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 7).

В результате осенью 1849 г. исправляющий должность коменданта Ново-Петровского укрепления подполковник Маевский составил ведомость расходов, сделанных в этом укреплении с момента его основания на «содержание русских пленных, выходящих из степи» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 13). Однако фактически подполковник Маевский учел в своей ведомости не только «русских пленных», но и вообще всех беглых рабов, содержавшихся в Ново-Петровском укреплении в 1846–1849 гг. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15–160б.). Это мог быть вполне сознательный подлог. Дело в том, что большинство беглых рабов, искавших спасения в Ново-Петровском укреплении, оказалось уже знакомыми нам «персианами», которые к тому же еще и дольше пребывали в укреплении, видимо, ожидая удобного случая для отправки на родину.

Первыми пленниками, выбежавшими в укреплении в 1846 г. и прожившими там почти год, были «персианин Хусейн Касымов и жена <его> Бурсулие» (время нахождения в укреплении – с 22 октября 1846 г. по 18 сентября 1847 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15). В 1847 г. к ним присоединился «персианин Абрахман Исмаилов» (время нахождения в укреплении – с 22 апреля по 18 сентября 1847 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15–150б.). Следующим бежал в укреплении еще один «персианин Арсан Мурчангучов» (время нахождения в укреплении – с 13 февраля по 26 апреля 1848 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 150б.). Правда, затем в Ново-Петровское укреплении выбралось подряд целых четверо «русских пленников». Все – астраханские мещане, однако они жили там не более месяца. Так, «астраханский мещанин Александр Алексеев» пробыл в укреплении со 2 по 26 апреля 1848 г., Николай Зенчин и Евграф Ширяев – с 25 февраля по 21 марта 1848 г., а Иван Шаманин – с 13 мая по 1 июля 1848 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 150б.–16). Однако следующими четырьмя беглыми рабами, укрывшимися в Ново-Петровском, опять стали «персиане»: «Рахман Нур-Мухаметов, Мухамет Нур-Мухаметов и жена его Батыма Мухаметова» пробыли там с 21 сентября по 5 октября 1849 г., а Алимердан Джаферов – с 21 по 25 сентября 1849 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 16). Наконец, с 21 по 26 сентября 1849 г. в укреплении находился беглый раб «киргизец Казын

Бакиев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 16). Итак, в 1846–1849 гг. в Ново-Петровское укрепление вышло четыре «русских пленника», восемь «персиан» и один «киргизец».

Мы сталкиваемся с крайне любопытной источниковедческой проблемой. Во всех текстах разбираемого нами дела о содержании беглых рабов в Ново-Петровском укрепении российские чиновники пишут именно о «русских пленниках». Особенно показательны отношения оренбургского военного губернатора В.А. Обручева к министру внутренних дел Л.А. Перовскому. Дело в том, что оно писалось достаточно тщательно. Сохранился его проект, но и в нем, и в окончательном варианте говорится о «выходящих из плена от кочующих в Средней Азии племен Русских подданных Гражданского сословия» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 20б., 30б.). При этом В.А. Обручев своего начальника в заблуждение вводить не собирался: получив ведомость от подполковника Маевского, он на ее основании сообщил Л.А. Перовскому о «4 выходцах из Туркменского плена», т. е. только об астраханских мещанах (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 22–23, 250б.). Таким образом, большая часть рабов, бежавших в Ново-Петровское укрепление, его действительно не интересовала именно потому, что они не были «русскими пленниками».

Следовательно, даже в Ново-Петровское укрепление, которое оренбургские власти выделяли в качестве места, куда «русские пленники» бежали «в особенности» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 2), в 1846–1849 гг. бежали преимущественно рабы-«персиане». Но при этом, если о вышедших туда «русских пленниках» информация была доведена до имперского министра внутренних дел, то остальные беглые рабы оставались внутренним делом местной администрации. И это служит еще одним подтверждением тому, что в пределы Российской империи в первой половине XIX в. могли выходить десятки иностранных беглых рабов из Центральной Азии, привлекая минимум внимания и фиксируясь только в делопроизводственном документообороте, в отличие от вызывавших интерес широкой публики «русских пленников», о которых неоднократно писал в столичных изданиях даже один из классиков русской литературы, В.И. Даль (Даль, 1838а: 188-211; Даль, 1838b: 81-86; Даль, 1839: 74-92). Разумеется, собранных нами сведений слишком мало. Нам удалось выявить более 20 подобных «персиан» и «казылбашей».

В заключение данного сюжета укажем, какие траты производились на «персиан» и «киргиза» в Ново-Петровском укрепении. Это позволит хотя бы косвенно понять, насколько хорошо обращались с этими людьми.

Кормили беглых рабов плохо, причем, по-видимому, одинаково, независимо от подданства, происхождения и религии. Из ведомости подполковника Маевского следует, что почти всем указанным в ней лицам выделялись только крупы и мука (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15–16). Исключение составляли «персиане», вышедшие в укрепление первыми, Х. Касымов и Б. Касимова. Их кормили также солодом, горохом, уксусом, мясом, маслом, капустой и даже горчицей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15). Возможно, паек беглым рабам урезали по ходу длительного пребывания в Ново-Петровском этих двух лиц. Некоторым беглым рабам, тоже независимо от их происхождения, покупалась одежда: «персианину» А. Исмаилову за 2 руб. купили два полушубка, астраханскому мещанину А. Алексею приобрели две пары сапог и два армяка за 4 руб. 57,25 коп., а «персианину» А. Мурчангучову один полный комплект одежды: рубаху, шаровары, халат, шапку и сапоги за 4 руб. 18,5 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 150б.). Таким образом, можно констатировать, что российские власти обеспечивали беглым рабам только самое необходимое, но при этом «русские пленники», «персиане» и «киргизцы» были в равных условиях.

А через несколько лет после создания разобранным нами документа оренбургское начальство, наконец, озаботилось освобождением всех рабов на подконтрольной ему территории Центральной Азии. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор В.А. Перовский 31 декабря 1851 г. издал указ, запрещающий лояльным России «киргизам» «держат у себя пленников» под угрозой серьезных санкций, от штрафа в 150 руб. до ссылки в Сибирь (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7400. Л. 13). Это коренным образом изменило ситуацию с выходом в Россию иностранных рабов из Центральной Азии. Если прежде подобные выходы были личным и достаточно рискованным делом самого раба, то теперь российские власти оказывали ему поддержку и могли наказать его хозяина. В результате число уже не беглых, но осознанно освобождаемых российскими чиновниками рабов резко возросло, однако они, судя по всему, снова оказались парадоксальным образом почти не замеченными не только российским обществом, но и освобождавшими их чиновниками. Хотя частных документов о подобных освобождениях нами обнаружено несколько десятков, каких-либо обобщающих источников на этот счет чиновниками не создавалось.

Дело доходило почти до смешного. В 1870 г. Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский запросил у военного губернатора Уральской области «сведения за последние три года о числе азиатских выходцев, явившихся в Русские пределы из средне-азиатских владений, о количестве издержек, употребленных на содержание их и отправление на родину и вообще о размере по средней сложности суммы, потребной на этот предмет» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8286. Л. 11). Внятного ответа он не получил: руководство Уральской области просто не прислало данных, «не имея у себя сведений об этом и за невозможностью в скором времени истребовать таковые от начальника Мангышлакского Приставства, где более всего являются случаи перебежчиков из плена»

(ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8286. Л. 11). Зато выяснилось, что «в 50-х годах, когда наплыв пленных из Оренбургской степи был большой, то по распоряжению Министерства Иностранных Дел, объясненному в предложении главного начальника края от 11-го Января 1850 г. за № 60, указано было все расходы по содержанию и отправлению на родину выходцев из Средне-азиатских владений удовлетворять из суммы на чрезвычайные издержки, и расход на этот предмет не превышал в то время более 200 р. в год, а именно: на заготовление необходимой для них одежды и обуви, а также выдавались им из этой суммы и кормовые деньги по 7 коп. в сутки каждому» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8286. Л. 11об.–12).

Таким образом, когда с 1851 г. российские власти пограничных с Центральной Азией территорий начали активно освобождать «пленных из Оренбургской степи» независимо от их происхождения, в Россию из степи хлынул настоящий «наплыв пленных». И поэтому нам представляется логичным ограничить хронологические рамки нашей статьи первой половиной XIX в. С 1851 г. ситуация вокруг выходивших в Российскую империю из Центральной Азии иностранных рабов фундаментальным образом изменилась, и закономерности, выявленные для более раннего периода, могли больше не действовать. Выявление же новых закономерностей, сложившихся в принципиально иных условиях, требует отдельного исследования.

5. Заключение

Итак, мы пришли к некоторым интересным выводам.

1) В первой половине XIX в. на российские границы из Центральной Азии выходило некоторое количество иностранных беглых рабов (т. е. беглых рабов, не имевших никакого отношения к Российской империи). Их число точно установить едва ли возможно, однако нам удалось выявить порядка 20 конкретных персоналий подобных рабов только за 1813 г. (когда их было три), 1823 г. (когда их было десять) и 1846–1849 г. (когда на одно российское укрепление их вышло девять). Таким образом, речь идет о десятках, если не о сотнях людей.

2) Что касается самих этих беглых рабов, то большинство из них принадлежало к иранскому миру, и российские чиновники позиционировали их в качестве «персиан» и «казылбашей». Как минимум один из подобных беглых рабов прямо указывал в показаниях, что изначально хотел бежать на родину, но был вынужден отказаться от этого намерения из-за опасности «хищников», т. е. степных кочевников. Другой осознанно шел в Россию, хотя не уточнял своей мотивации. Соответственно, можно предполагать, что большинство беглых рабов знало, что на территории Российской империи их освободят, и бежало именно ради этого освобождения, а не потому, что Россия представлялась им привлекательной в каких-либо иных отношениях (например, религиозном или экономическом).

3) Для российских чиновников большое значение имели «русские пленники», а вот их отношение к иностранным рабам было крайне спокойным, если не равнодушным. Даже в 1860 гг. их статистика не велась. Собственно, поэтому до нас и дошло так мало информации об этой группе людей. Специально освобождать иностранных рабов даже на подконтрольной Российской империи территории степи местные чиновники начали только в 1851 г.

4) Тем не менее подобному рабу, выбежавшему на территорию, подконтрольную оренбургскому военному губернатору (позднее – оренбургскому генерал-губернатору), безусловно, предоставлялась не только свобода, но и право вернуться на родину. Единственный случай, когда в таком праве возникли сомнения, произошел в 1813 г.: оренбургский губернатор Г.С. Волконский предложил оставить беглых рабов в Российской империи за отсутствием безусловных доказательств того, что они не являются ее подданными. Однако в итоге и эти рабы были отправлены на родину.

5) Что касается собственно форм отправки, то, как правило, бывшие рабы возвращались через Астрахань, причем им обычно оплачивался проезд, а иногда даже покупалась одежда. В отдельных случаях вместо этого освобожденного отправляли с караваном в Бухару, причем, по-видимому, проезд не оплачивался. Последний вариант практиковался, только если о нем просил сам бывший раб.

6) Наконец, два выявленных нами беглых раба пожелали принять подданство Российской империи. Оба они были рабами с самого детства и не имели родины, на которую могли бы вернуться для свободной жизни. Они также были отправлены в Астрахань, но не для дальнейшего выезда за границу, а для поселения там.

7) Подобная ситуация с иностранными рабами, бежавшими в Российскую империю из Центральной Азии, продолжалась до 1851 г. То, что российские чиновники начали освобождать рабов в подконтрольной им степи, резко увеличило приток освобожденных иностранцев. В результате некоторые закономерности, выявленные нами (прежде всего, преобладание среди выходящих на территорию Российской империи рабов иранского происхождения и их почти поголовное желание затем вернуться на родину), могли измениться. Уяснение масштаба и характера этих изменений представляет собой предмет отдельного исследования.

Литература

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.

- [Даль, 1838a](#) – Даль В.И. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 / Альманах «Утренняя заря». СПб., 1838. С. 188-211.
- [Даль, 1838b](#) – Даль В.И. Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина // Литературное прибавление к Русскому инвалиду. 1838. № 5. С. 81-86.
- [Даль, 1839](#) – Даль В.И. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1839. С. 74–92.
- [Исмаилова, 1973](#) – Исмаилова С.К. Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в. // Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1973. № 2 (72). С. 20-30.
- [Свод..., 1835](#) – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 9. Свод законов о состоянии людей в государстве. СПб., 1835. 407 с.
- [Созина, 2016](#) – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 6–15.
- [Справочный энциклопедический словарь, 1854](#) – Справочный энциклопедический словарь. Т. 9, ч. 1: О и П. СПб., 1854. 364 с.
- [Тургенев, 1978](#) – Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. I. М., 1978. 574 с.
- [Ermachkov, 2021](#) – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 26-34.
- [Morrison, 2021](#) – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.
- [Peretyatko, 2023](#) – Peretyatko A.Yu. Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 619-632.
- [Tadjieva, 2023](#) – Tadjieva F.J. Slavery in the Khiva Khanate: the Use of Slave Power. Abolition of Slavery and Its Socio-Economic Consequences // *Slavery: Theory and Practice*. 2023. 8(1). Pp. 53–62.
- [Tojjeva, 2020](#) – Tojjeva F. Slavery relations and its sources in Khiva khanate // *Journal of Critical Reviews*. 2020. 7(12). Pp. 211-214.

References

- [OGA00](#) – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
- [Dal, 1838a](#) – Dal, V.I. (1838). Rasskaz nevol'nika, khivinskogo urozhentsa Andreya Nikitina. 1830 [The story of a slave, a khivan denizen Andrei Nikitin. 1830]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 188-211. [in Russian]
- [Dal, 1838b](#) – Dal, V.I. (1838). Rasskaz khivinskogo plennika Fedora Fedorova Grushina [The story of khivan captive Fedor Fedorov Grushin]. *Literaturnoe pribavlenie k Russkomu invalidu*. 5: 81-86. [in Russian]
- [Dal, 1839](#) – Dal, V.I. (1839). Rasskaz vyshedshego iz khivinskogo plena astrakhanskogo meshchanina Tikhona Ivanova Ryazanova [The story of an Astrakhan burgher Tikhon Ivanov Ryazanov who left khivan captivity]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 74-92. [in Russian]
- [Ismailova, 1973](#) – Ismailova, S.K. (1973). Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX – nachale XX v. [Documents about slavery in the Khanate of Bukhara in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 2(72): 20-30. [in Russian]
- [Svod..., 1835](#) – Svod zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlenniy. T. 9. Svod zakonov o sostoyanii lyudei v gosudarstve [Digest of Laws of the Russian Empire, on behest of Sovereign Emperor Nikolai Pavlovich composed. Vol. 9. Digest of laws on the status of people in the state]. Saint-Petersburg, 1835. 407 p. [in Russian]
- [Sozina, 2016](#) – Sozina, E.K. (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [“Steppe prisoners” discourse in the Russian literature of the 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(50): 6-15. [in Russian]
- [Slovar'..., 1854](#) – Spravochnyi entsiklopedicheskii slovar'. T. 9, ch. 1: O i P [Referential Encyclopedic Dictionary. Vol. 9, pt. 1: O and P.]. Saint-Petersburg, 364 p. [in Russian]
- [Turgenev, 1978](#) – Turgenev, I.S. (1978). Polnoe sobranie sochinenii i pisem. T. I [Complete collection of works and letters. Vol. I.]. Moscow, 574 p. [in Russian]
- [Ermachkov, 2021](#) – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.
- [Morrison, 2021](#) – Morrison, A. (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.
- [Peretyatko, 2023](#) – Peretyatko, A.Yu. (2023). Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source. *Bylye Gody*. 18(2): 619-632.
- [Tadjieva, 2023](#) – Tadjieva, F.J. (2023). Slavery in the Khiva Khanate: the Use of Slave Power. Abolition of Slavery and Its Socio-Economic Consequences. *Slavery: Theory and Practice*. 8(1): 53-62.
- [Tojjeva, 2020](#) – Tojjeva, F. (2020). Slavery relations and its sources in Khiva khanate. *Journal of Critical Review*. 7(12): 211-214.

Иностранные беглые рабы из Центральной Азии, вышедшие в пределы Российской империи в первой половине XIX в.: к постановке проблемы

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a,*}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рабам, никак не связанным с Российской империей, но вышедшим в первой половине XIX в. из Центральной Азии на ее территорию. На основании документов оренбургского военного губернатора сделан вывод о том, что число подобных рабов было достаточно велико. Хотя анализировалась информация только за 6 лет, 1813 г., 1823 г. и 1846–1849 гг. (в последнем случае – только для одного приграничного укрепления), удалось выявить более 20 «персиан», «узбеков», «казылбашей» и т. д., бежавших из рабства в степи на границу Российской империи.

Анализ сохранившейся информации об этих людях, включая личные показания некоторых из них, позволяет говорить о том, что среди них преобладали представители иранского мира. Вероятно, они были вынуждены бежать в Россию, поскольку побег на родину оказывался для них слишком рискованным (во всяком случае, один из них в своих показаниях прямо говорил об этом). Подавляющее большинство подобных рабов, оказавшись в Российской империи, выражало желание вернуться на родину, хотя два человека, выросшие в неволе, предпочли остаться в Астрахани.

Для российских чиновников освобождение подобных иностранных рабов до 1851 г. не было сколько-либо приоритетной задачей. Поэтому сводная статистика о них, видимо, не велась, а в публичном поле внимание куда больше привлекали «русские пленники». Российские чиновники в это время не принимали специальных мер к освобождению подобных рабов даже в той части степи, которую формально контролировали. Тем не менее иностранные беглые рабы за государственный счет отправлялись в Астрахань, а некоторым из них даже покупалась новая одежда. Только в 1851 г. ситуация изменилась: оренбургский и самарский генерал-губернатор В.А. Перовский издал указ, под строгими санкциями (вплоть до ссылки в Сибирь) запрещающий лояльным России кочевникам держать любых невольников.

Ключевые слова: рабство, плен, Центральная Азия, Оренбургское губернаторство, Иран, освобождение из рабства.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)